

ПОГРАНИЧНИКИЛВА

R

414
275

УЛГУРИЛ

ГОСЛИТИЗДАТ

РАССКАЗЫ О ПОГРАНИЧНИКАХ

ПЕРЕВОД НА ЭВЕНКИЙСКИЙ ЯЗЫК
М. ВОСКОВОЙНИКОВА
РЕДАКЦИЯ О. А. КОНСТАНТИНОВОЙ
РИСУНКИ В. МОРОЗОВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
Ленинград

ПОГРАНИЧНИКИЛВА УЛГУРИЛ

R. 414
275

ЛУЧАДЫДУК ЭВЭДЫТ
ДУКУЧАН М. Г. ВОСКОВОЙНИКОВ
ИЧЕТЧЭН О. А. КОНСТАНТИНОВА
В. МОРОЗОВ ОНЁВУРИН

ГОСЛИТИЗДАТ
1938

АНКЕТА

ПОГРАНИЧНИКИЛВА УЛГУРИЛ
РАССКАЗЫ О ПОГРАНИЧНИКАХ
(на эвенкийском языке).

1. Тыливгэн дукувча эр книга? (Погранич-
килва улгурил)

Понятно ли переведена эта книга? (рассказы о
пограничниках)

2. Экун эсин тыливгэн биси эр книгаду, авадыл
турэр?

Какие непонятные выражения и слова встречаются
в этой книге?

3. Си тангдячас хунгтулвэ книгалва эвэдыт ду-
кувчалвэ? Авадылва книгалва тангдячас?
Авады упкаттук аятмар?

Читал ли ты другие книги на эвенкийском языке?
Какие книги? Какая из них понравилась тебе боль-
ше всего?

38-39943

4. Авадылва улгурилвэ эвэдыт дукувчалвэ си тангмумчас?

Какие рассказы ты хотел бы прочесть на эвенкийском языке?

5. Авадыл онёвур: аял-гу, эрул-гу? Дукукал. Нравятся ли тебе рисунки?

Эр дукувунма маркая ачинди унгдекэл.
Это письмо посылай без марки.

Ленинград, пр. 25 Октября, 28.
Ленгослитиздат. Национальный сектор.

• ПРЕДИСЛОВИЕ

Хэгдымэмэ, албин советнги дуннэ. Митнгил границалты 60 тысичал километрил хэлэкэ биси. Советты Союз границалдулин няматил километрилва тырганитыкин илэ аямаду оронду хуктырэкин, дюр аннганил илтэндэнгэтын.

Советты Союз мурэлин капиталистнгил государстволтын биси. Гирки Сталин—тэгэл нёрамнитын митвэ алагувдяран, таравэ эдэвун омнгоро, окин-да садавун. Буржуазиядыл дуннэл капиталистылтын социализтылва строительствовун сот эси аявдыра, сот сукчамудяра. Нунгартын митнгилэ дуннэнгдулэт шпионилвар, диверсантылвар, сукчадырилвар унгдевил.

Советыл пограничникил аямамалвэ ургэпчумэмэлвэ хавалвэ одявил.

Тырганива, долбонива, хэкупчуду, ингинду, тыгдэду, хигинду пограничникил — наркомвнудельцыл митнги хэгдымэмэ дуннэнгит границалдун этэетчэнэл, бидевкил, булэсэл митнгилэ дуннэнгдулэт эдэтын эмэсинэ.

Хэгдымэмэ революцияды бдительность, булэннунмэр арчадавэр, окин-да нунганман давдыдавэр, аямама эсатын, манги нгалэтын — таргачир митнги пограничникилты, Ленин — Сталин партиятын тэдел хутэлтын.

Митнги родина булэсэлин, шпионил, митнгилэ дуннэнгдулэт эмэденэл, аят садевкил, он советнгил пограничникил нунгарватын арчадынгаватын. Упкат митнги дуннэнгит, упкат советнгил тэгэлин аямамалвэ героилва Валентинма Котельникова, Василийва Барановва, Андрейва Коробицынма тадук хунгтулвэ бучэлвэ героилва окин-да эденгэтын омнгоро. Нунгартын аяткулгачир героил бучэтын этэетчэнэ советнгилва границалва.

Советтыва дуннэнгивэ шпионилдук, сукчадырилдук тыгитчэнэл, няматил пограничникил мэннгиливэр геройстволивэр Советты Союз орденалван гачатын.

Пограничники бинидутын кэтэкэкур аял войнадыл фактыл биси. Кэтэмэмэ пограничникил мэннгивэр хававэр аят садерил биси. Аямамал ичэмнил (нгэнэвумнил). Нунгардуктын умукэн-дэ булэн эденгэн нгэнэрэ. Таргачин гирки Карацупа. Нунган улгурин эр дукувунду дукувча бисин. Гирки Карацупа мэннгинунми нгинакиннунми „Индус“ нямадук кэтэтмэрилвэ шпионилва дявадьячан.

Японо-Манчжурскаил бандитыл митнгилвэ границалва энгэсивэн самуссадячатын. Нунгартын адыракан Дальной Востокту митнгилдула границалдулат эмэвэтчэчэтын, провокациялва одянал. Нунгартын кусимнилтын хуламалдук пограничникилдук дяра кэтэтмэр бисиктын-мэл, окин-да позорит мэннгилдулавэр мучудячатын, кэтэкэкурвэ мэннгилвэр эмэнмуденэл.

Эр дян аннганилдули наркомвнудельцыл 10 тысичал хэлэкэ шпионилва тадук нунгартын бэлэмнилвэтын дявачатын; адыканэл тысичал бандитскаил налеталтын пограничнаилдула районилдула давдыра.

Советтыл пограничникилты митнгил тэгэлты тэдел хутэлтын биси, тар дярин нунгартын энгэсичил биси. Нунгартын советты тэгэ интересилван тыгитчэвил.

Митнги тэгэт пограничникилду тадук аяткулду хулама армия-гирду бэлэтчэрэн, границалва тыгиттэвэр, тадук шпионилва дява-давэр.

Миллионил хавалдырил митнги дуннэнгит пограничникилва сот аявдявил. Нги-вэл пограничникилдук кусикитту бурэкин, нунганикла акинин, гиркинин идэрэн. Гороконду таргачин бичэн. Дян надачи Миша Коробицын 1927 аннганиду кусикитту бучэвэ Андрей Коробицын нэкунин Москвала дукувуна гиркиду Ежовду унгчэн.— Нунган эр дукувунду эетчэчэн. Андрей Коробицыниклэ нунганман границала гадан. (Андрей Коробицын бунэвэн эр дукувунду дукувча). Эситкэн Миша Коробицын лейтенант Болонин пограничнай заставадун бидэрэн.

Советнгил пограничникил сталингит наркомат гирки Н. И. Ежовит нунгиденэл, аямамавэ хававэ одянал, упкатту советтыду тэгэду аямамалвэ советтыва патриотизмава ичэвкэндевил.

Мих. Слонимский

АНДРЕЙ КОРОБИЦЫН

Зина Коробицынду дукудьячан нунган эдэн хэлинчэдерэ. Время кэтэ бисин, эрэвэ гунчэдэви — нунгартын границаду бидедэвэр-гу, гулэсэгдувэр бинивэр омактат одавэр-гу? Нунган, Зина мэнэкэн границадук эсин нгэлэдерэ. Андрейва гороптыгачин аявдыран, тадук Зина эетчэрэн амандымэрит дукудан:

— Андрей нунганман гороптыгачин аявдыраң-нгу? Эсин-нгу?

Коробицын Зина дукувунман долболтоно гачан, некэ-дечэн тыматнэ Зинаду дукудави.

Тэгэми, 21 октябрьду тыматнэ дыгинду часилду, нунган застава начальникдукин инструкциява гачан, границали 215-дук пограничнайдук самэлкидук 213-дула, тадук амаски гиркудави. Нунган энгэтын дыкэнэ, нунган аракуканди

дулумкунди нгэнэнгэтын. Сигикагду диверсантыл дярин кэтэмэмэ вавур биси.

Коробицын бира Хойка-иоки дяпкадун холокто дылкэн (лучадыт сарай гэрбичи) бидеридукин нгэнэсинчэн. Тар холокто дылкэндукун дагадун чука зародту бидечэн.

Коробицын дозордыли хоктоли гиркудяна, баргиски сот ичэтчэчэн, пэктырэвунин амаски ичэтчэчэн. Дуннэ тамнаксат дастан. Тыманиды эдын анчарван донготовчон, эдын моса сигдылэлдутын эдындечэн, тадук аран-аран молду дявучадярил авданнал, дуннэлэ бурудечэтын.

Нюнгунду часилду застава хэгдыгумни Коробицын хававан ичуликсэ, элэкин эмэнмучэн. Коробицын мэннгиви овкатнэви аят одячан. Застава хэгдыгумнин гунчэдечэн: Коробицын окин-да аят нарядту бидеривэн.

Инструктаж тадук наряд нунганман ханнгуктаракин.

— Авгарат бисинни? аят дэрумкинни? Нунган окин-да гундерэн:

— Авгарат бисим, гирки начальник! Аят дэрумким!

Пэктырэвурвэ ичулирэктын, нунган пэктырэвунин, окин-да дучамат, аят бивки. Бэркэт шпионилва дявучадяран. Застава начальникин мэннгиви дялви кусимнил дярин нгилду-дэ эчэн гунэ. Муданнгивэ гуннэвэ нунган эчэн аявра. Муданнги гуннэвэ (дялвэ) муданнгачин бисин, илэда часки балдыдяран, бидерэн, хунгтупчедерэн.

Тамнакса аракукан дэгилчэн. Эдын ачин оран, ая дылачады тыргани оллан. Коробицын нюнги час ичэдэнду бичэн. Эя-да эрувэ эчэн ичэрэ, эя-да эчэн долдыра. Нунган бира дяпкадун бидеривэ чалбандук эмэрэкин; конгнолодэритки дэлкэнтыки дагамаракин, нгэрипчу оран.

Умнэт нунган илитчарилвэ илэлвэ ичэрэн. Умукэн гугдакаун, Коробицындук умукэн дылит гугдатмар бичэн, русскайду рубашка тэтывчэ бичэн, мирэдун нечуксэмэ ху-

таканин; нгалэлдукин револьвер Коробицынтыки ичэтчэчэн. Ге эсин гугда бичэн, анчандун 3 чавул бичэтын, мэнэкэн конгномо, ангидадук Коробицынтыки нгэнэсинчэн. Или дегитэндук дэлкэндук юмэлчэчэн. Илан револьвертын Коробицынма ичэтчэчэтын.

— Сдавайдекэл! — энэ тэпкэдэнэ, гунэн хэгдымэмэ бэе. Нунган дылгандун хэгды энгэси бичэн. — Эсикис мунэвэ долдыра, — ваденгавун.

Окин-да Коробицын бучэндулэви туги эчэн дагамара. Упкат мэннгилви сангаричи дылкэн, Хойка-Иоки, чука зародту — тар упкат умнэт хунгтул ора, булэсэлды. Баргидадук эрумэт эринди Коробицын дэрэлэн эдыллэн тадук, эр ингинипчуду болодыду тыманиду нунгандун хэкупчу оран.

Нунган химаткакунди пэктырэвунми мирэдукви гаран, пэктырэнэн. Умнэт амардукин экун-мал нунган халганман иктурэн. Нунган эчэн ичэрэ, он супирэлдук нунган амардулан дыги бэе нюрмачан. Нунган тугэсигду тэтыгэду тэтывчэ бичэн. Нунган нямапчуду сунмэду тадук нямапчуду кепкаду (авунду) тэтывчэ бичэн.

Коробицын хэннгэндуви буруденэ, нян пэктырэнэн. Илан пулял иллэлэн ичэтын, тадук нунган дуннэлэ бурурэн. Коробицын энунми эчэн мэдэрэ. Нунган сот хивиндечэн. Дуннэду хуклэдэнэ, нгалэлдукви пэктырэвунми энэ тындерэ, нунган гугдакакундула бэелэ чокоррон, нунганман хэгдыгундитын тангдяна. Гилвэ бэелвэ, нунганман пэктырудерилвэ, нунган эчэн ичэрэ. Дуннэду нунган сэксэн бичэн. Нунганман мурэлин илэл бичэтын (хакучатын), баргискаки нгэнэвдэвэр.

Коробицын пэктырэнэн, тадук хэгдыгутын бурудеривэн ичэксэ, сот урунденэ, тэпкэрэн. Нунган нян пэктырэнэн, тадук нян, нян, тадук дялви туксэриэвэтын долчаттан.

— Би сунду! — нунган сот тыкулденэ, тадук урунденэ, тэпкэрэн. Тадук нунган эсалван тамнакса дастан.

Бэлэгэ эмэрэкин, илан бээл дыгивэ бээвэ биракли нгэнэвдечэтын. Нунгарватын дявучадавар албадянга бичэ, — пуля баргиски дэжилденгэн.

Коробицын мосаду, букачанду сэлэрэн. Нунганман элэ красноармеец (хулама кусимни) Шорников эмэврэн.

Нунган дялви ичэксэ, сот урунэн. Нунган таргачинма урунма окин-да эчэн мэдэрэ. Мурэли упкат мэннгилви бичэтын: дуннэ, болониды моса, тадук илэл, гиркил.

— Он очан? — нунган хивинденэ, ханнгуктаран.

— Упкат аят очан, — Застава начальникин, заставадук эмэмэлчэ, гунэн. Овкатнэви си этэнни, булэнмэ, гирки Коробицын, эрэсчэс.

— Сволочил, — Коробицын гунэн. Нунган амнгадукин турэсэлин юмэлчэтын. Эситкэн нунган мэнми эчэн урэрэ. — Нунгартын илани...

— Нунгартын дыгин бичэтын — гунэн начальник.

— Кэ, би, умукэнмэ вачав, дёнчадянгатын.

Хивинин эчэн этэрэ. Нунган гунчэдечэн, гэевурин эимкур биси. Нунган нян дуннэнгитви, эривундиви урундечэн. Эрил упкат кутучил бичэтын.

Комендант аичимнинун эмэмэлчэчэтын. Шинелилдук, молдук насилкалва оксал, тала Коробицынма хуклэв дечэтын.

Нунган эчэн эя-да гунэ, элэ дэрэн силгиндечэн тадук саримикталин угирчэтын.

— Энудерэн? — ханнгуктаран начальник.

— Халганми энудерэн — гунэн Коробицын.

— Авгарадянган.

Халганин хэннгэнду дегдэдечэн, энундечэн.

— Умукэнмэ би пэктырэним — гевдячан гундечэн Коро-

бицын — Авгараракив, нунгартын минэ саденгатын. Ичэвкэнденгэв нунгардудын, он мундулэ эмэми.

Нунган кусидеривэн, давдыдяривэн дёнчадячан. Нунган мэннгидуви давдыдуви урундечэн.

Заставаду Коробицынма гедук аиткиттук аичимни ала-тчан.

Аичимни нунганман аракукан ичэдечэн. Илан гэевурин эчэ хэгдыл бичэтын, элэ умукэн пуля халгандун эмэнмурэн.

Коробицынма ичэтчэрэктын, нунган, маннидечан.

Элэ эеттэн:

— Пуля-вал гакаллу. Нунгартын пуляватын эсим аявра.

Дыгили гэевундулинин аичимни нунгандун эчэн эя-да гунэ. Дыги гэевунин уриндун бичэн. Аичимни гунэн:

— Ленинградтула центральнайла красноармейскайла аиткиттула унгигэт!

Тадук нунган застава начальникван дариски эридексэ, аракукан, эдэви Коробицын долдыра, хавчан:

— Эситкэн унгингэтывун, элэкэсиптыт поездыт.

Нунган Коробицын иллэвэн гидаларакин, умнэт спиртгачинди экун-мал нгэллэн.

— Кэ, горово эчэв умда, — Коробицын инемуллэн — Кэ, ая.

Нунган сэктэвундуви хуклэдечэн, окошко чагидадукин нунган мэннгиви биниви долчаттан. Мэнми хуклэдериван Ленинградту саллакин, нунган эеттэн:

— Гирки аичимни, эду минэ эмэнмудекэллу, Эда туги гороло?.. Гэевунми эимкун бисин.

Аичимни аланденэ, нунгантыкин гундечэн:

Ленинградва ичэденгэс, Октябрьскайла праздникилва ичэденгэс.

— Тала адыллава би хуклэденгэв? надаллава-гу? Горот-мэр-гу?

Нунган эчэн тэдерэ, нунган савкачи бинивэн заставаду манавран.

Нунган гунчэдечэн. Илитчэнгэ бисин, нгэнэденгэ бисин.

— Булэн сволочь, туги сот минэ пэктырэнэн-нгу?

Гулэ икиттулан ирунгки (телега) эмэчэн. Застава начальникин тулиски юксэ, ханнгутаран:

— Идук тар?

— Гулэсэгдуквэр, крестьянисал унгчэтын, — гургактая ачин, финн гунэн.

— Би энундеривэ станцияла нгэнэвденгэв.

Застава начальникин нунганду спасибова гунэн. Застава начальникин элэ некэдечэн гулэсэгдулэ телегава гадави, унгдэви. Кэтэ ороктово нэксэ, Коробицын аят хуклэдеми бидэн, нунганман телегала аракуканди хуклэвчэтын. Аичимни нунган дарандун тэгэрэн.

Коробицын упкатнун бидерилнун простидечэн. Умнэт нунган хивиллан:

— Би нунгарватын эчэв дявара элэ эрэсиним. Тарит сундук, тар дярин, инедерил илэл бисил-гу? ачир-гу? Экунма Болгасов гундерэн? Бичугин-да?

Болгасов тадук Бичугин нарядту бичэтын. Нунгарникла застава начальникин гунэн:

— Си аятку красноармеец, бисинни, гирки Коробицын.

— Пэктырэвунмэв Бичугинду букэллу — аракукан Коробицын гунэн, — этэегин. Амакан мучуденгэв. Ичэвкэнденгэв, нунгардутын он мундулэ эмэми.

Застава начальникин Коробицын уриндун гэевунин саракин-мэл, туги-дэ Коробицыннгачин, нунган авгарадыриван тэдедечэн. Застава начальникин эрэвэ гэевунмэ хуюкунмэ санганмэ, тадук адыканэ сэксэвэ ичэрэн.

Дыгиллали застава начальникин дыгиндула частула пусква гакса, тыматнэ унэкир Ленинградтула нгэнэсинчэн, Коробицынма ичэдэви. Праздниктыва городва ичэксэ адыканэ сэвдепчут оран. Нунган магазиндула ичэн, тадук Коробицынду виноградва, пряникилва гаран. Тадук трамвайдула иксэ, Коробицынтыки нгэнэсинчэн. Нунган дюлэски гунчэдечэн, он гэевунмучэду красноармеецду аят биденгэн, он нунган урунчэденгэн.

Аиткит икиттулан ирэкин, нунганман тыгичимни аси арчаран, гунденэ:

— Элэ дыгиндук часилдук тынивкил.

Эситкэн энундерилдулэ эвкил тынэ.

Тыгичимни илэ-вэл нгэнэрэкин-нун, нунган лококиттула ирэн. Тадук нгинги-вэл нодадэриэвэ халатва ичэксэ, аракукан шинельвави луктан, нунганман локовунду локорон; халатва тэтыксэ, палаталдула нгэнэсинчэн. Халатту тэтывчэвэ бэевэ окин-да тындевкил.

Нунган бикичилдули гиркуктадяна, хирургическайва бикитва ханнгутадычан. Нгалэлдуви нунган гоёт сингамат томкот уилдывчэвэ хутакалма виноградтай маннит дявучадяран. Операцияды бикиттула иксэ, нунган экуна-вал багдамат торгат дасчаривэ ичэрэн, тар экунма-вал нгэнэвчэтын.

Нунган аиткичилва эчэн аявра. Нунган хирургическайду кабинетту иллан. Эду нунган экуна-вал алатчачан, Коробицынма садави. Тыгичимни юрэкин, начальник нунгандулан дагамакса, гуллэн:

— Эду сундулэ гэевунмудеривэ пограничниква эмэвчэтын...

— Коробицын? — хэлинчэденэ, тыгичимни гунэн.—Нунган эсикэкэн сомчон (бучэн). Нунганнгин со ургэл гэевурин бичэтын. Тадук тыгичимни нунган дэрэлэн ичэксэ, аракукан ханнгутаран:

— Си нунганддун нги бисинни? Гиркин-нгу? дял-гу?
Застава начальникин окин-да амаргут албадьячан дёна,
заставала мучудеривэн. Границала нунган эчэн аманнира.

Нунган гулэ икиттун, муриндукви юрэкин, нунган ху-
тэнин нунгантыки дагамаран.

— Иду ака Андрюша? — нунган ханнгуктаран — Си
эетчэчэс нунганман эмэвдэви.

Элэ эду застава начальникин ичэрэн, хутакачанин вино-
граднун ачин бисивэн, — нунганман иду-вэл эмэнмурэн.
Омолгичандуви эя-да эчэ гунденэ, Ленинскайла оннгандула
иксэ, Лисиченко алагувдярилан, тадук гунэн:

— Гиркил, муннги Коробицын сомчон, гэевурдук ачин-
оран.

Хэгдымэмэ давдын бичэн. Коробицын хэгдымэмэвэ бу-
лэнмэ Пикконенма вачан. Нунгартын плантын Ленинград-
тула Октябрынгилла праздниктула террористылва унгдэвэр,
ачин оран.

Гирки Марченко Улгурин

ИЛАНДЯРДУ ЯНВАРЬДУ

Улгучэниктэ сунду 30 январьду 36 аннганиду кусикит
бисивэн. Тэли би, Марченко, тар заставаду кусикит биси-
дун бичэв.

Долбо 30-ду январьду би нарядту бичэв. Тыматнэ му-
чуксэ, укумнивэ умиксэ, дэрумкисиним. Дян-умукэндулэ
частула адексэ, би тэгэм, тадук сунми санганалим. Тырга-
какиндула нунганман сангаридечэв. Дептылэвэ мунду бу-
рэктын-нун, умнэт границадуквун пэктырул долдывувкил.

Тыгичимнивун депкиттулэ иксэ, гундерэн:

— Гирки хэгдыгумни, Мещеряковадук пэктырул дол-
дывувкил. Хэгдыгумнивун гундерэн:

— Аятмарит тыгитчэкэллу!

Бу пэктырэвурдук пулеметылдук пэктырул долчатчарав.
Туги-дэ гранаталди пэктырудевкил. Ипкэчивунмэ энэ алат-

чэнэ, казармала туксамалчавун тэттэвэр. Упкат пэктырэвур-
вэр гаксал, бу нарядтувар бэлэттэвэр туксакуттав. Тала
муннги нарядвун булэсэл кусимнилватын арчаксал, куси-
мэтчэвкил. Кусимнилтын нгинакичил бичэтын. Илан нгина-
киртын дюлэду, дюр-да амаргулитын. Амардутын нян ум-
кэн взвод бичэн. Тари взвод кусимнилви тыгитчэчэн,
Бу-дэ пэктырудерэв нунгартын-да пэктырудерэ. Долдырав
пулеметылтын конгкодёвкил, эпэнтыгэчин; элэ пэктырүл
игтын долдывувкил. Бу дюлэски туксарав. Нян пулемет.
Би гуним:

— Умукэнмэ красноармеецва букэллу, бу нунгардулатын
дагамами, нунгарватын дявучадянгавун.

— Эсин, — гундевкил — алатчэкэл, мундулэ бэлэгэвун
эмэденгэн.

Тэде, дюрдярдуги минуталдуги гирки Агеев красно-
армеецилнунмар эмэрэн. Агеев минэвэ, тадук нян умукэнмэ
красноармеецва дозордула гаран. Дюр нямадил метрил
амаргидадуги гил нгэнэдэрэ. Урэкэчэн „Пионер“ гэрбичи,
адыканэ эчэвун иста. Нгил-дэ ачир. Элэ иманна сот экивчэ.
Би гуним:

„Гирки хэгдыгумни, би пэктырэвунми тэсидечэв, тэси-
дечэв-вэл, умукэмэтгэ эденгэв пэктырүрэ Нунган-да ине-
муллэн; гунэн:

— Адыканэ алатчакал.

Тадук гранаталвар ичулилэв. Тэли ингикэкун бичэн. Бу
хивинчэдечэвун гранаталвун эдэтын донготоро. Ичулирэв.
Ипкэчимни ханнгуктадьяран:

— Экунма-вал ичэнни?

Би гуним:

— Урэкэчэн оелин сангнянмэ ичэдем. Нунган
гундерэн:

— Аракукан гранаталва бэлэннэкэл. Бу тутудерэв. Да-

гала тутурэв. Гулувун ачин. Кэ, алаткат. Тэли амаргулвун
эмэрэ...

Супирэлдулэ ичэтчэрэв-тала сигикэкун.

Капитан Агеев нян минэ ханнгуктаран:

— Ичэнни?

Би гуним:

— Тала экур-вал гиркудявкил.

— Тар нунгартын (булэсэл) — гундерэн капитан.

— Гирки капитан, нунгартын кэтэ-би гуним.

Эду бу осонгорду хуклэрэв. Гил муннгил эмэрэктын,
бу урэкэчэнду „Пионерду“ хуклэрэв. „Нунгартын-да“ гра-
ницадули гиркудяра Митнгитэнэлэ эмэдевкил, нян мэннги-
лэвэр дуннэнгдулэвэр мучудевкил. Бу „Пионерва“ давара-
квун, ичэтчэрэв — даванду сиги абулидэрэн, часки аглан
ичэвдевки, супирэл; иманна супирэлвэ сокакунди имача,
аран-аран ичэвдерэ. Ичэтчэрэв — тала супирэлду этэчим-
нилтын бидерэ. Би гунчэлим эду пэктырүдэви эру
бисин. Тэли муннгил пулеметнун эмэчэтын, капитан-да
гундерэн:

— Кэ-нэ адыканэ часки нгэнэгэт.

Кусикит олан. Бу упкат Япониянгивэ ротаван ичэтчэ-
рэв. Нунгартын пэктырүдевкил, бу-дэ нунгарватын пэктыр-
рудерэв: Экун тала нунгардуктын оран! Туксадавэр не-
кэдечэтын. Пулеметтын пэктырүллэн. Хэку оран. Красно-
армеецилвун аят бидевкил. Ичэткэт, гиркива Бессоновва.
Нунган пулеметчик № 2 гэрбичи бичэн.

Нунган пулеметви тадук дискилва нгэнэвденэ, сот дэ-
рурэн. Отделение командирдуги гиркиду Шаповаловду Бес-
сонов пулеметви муланденэ, бурэн.

— Экун си, гирки командир, би нян-часки нгэнэвденгэв.

Командир нунгандукин пулеметва геду красноармеецту
бурэн. Бессонов нян мэннгинунми пэктырэвуннунми бил-

чэн. Бессонов сөвдөпчү бэе; нунган упкатуу сөвдөпчүлвэ улгучэндэрэн. Эду — тогококун, пэктырул; Япониянгил пулялтын дегирэктын-мэл, Бессонов модук мола туксадяна, тэпкэдерэн:

— Ариша синду эя-да эсин дукудяран.

Он-ка эситкэн синги Ариша бидерэн!

Нунгангин хунадин Ариша гэрбичи, бичэн. Красноармеецилвун инедевил, би-дэ инедем. Шаповалов инеденэ, аран осонгордула эчэн бурурэ. Тэли сот кусимэтчэчэвун. Бу хэргиски нгэнэдерэв, нунгартын-да амаски нгэнэдевил. Бу нгескиду-нунгартын-да хэргискиду бидерэ. Бу урэкэчэн дулиндулан эмэрэквун, эду дегиндук, ангидук пэктырулкэкутчэтын. Нян булэсэлдулэ умукэн ротатын нгэнэдерэн. Бу туги-дэ аямамат пэктыруллэв. Элэкэс пэктыруллэквун, ургэ бичэн. Хэлинчэдечэвун. Тадук аякакун оран. Япон цылдук 40 метрилва бидерэв. Мунду адыканэл илэл гэевунмучэтын. Со тогококун (пэктырул). Бессонов супирэду дыкэнэкин, супирэвэ пулеметылди пэктыручэтын. Бессонов дэрэн упкат сэксэчи оран. Тадук Бессонов бурурэн. Пэктырэвунин туги-дэ иманнала бурурэн. Нунган угидэлин пулэл кикэдечэтын.

Взвод командирин Моисеенко тэпкэдерэн:

— Бээл, Бессонов вавча бисин.

Умнэт Бессонов тэгэтчэрэн, иманнава тумничэн; пэктырэвунми гакса, амаски тэпкэдерэн.

— Гиркил, би эду бидем.

Японцыл умукэндук супирэдук тэпкэдевил:

— Банзай!

Бу тала пэктыруллэв, кэтэкэкурвэ гэевунэв, тадук нунгартын сот хунгтумэлчэлди тэпкэдечэтын.

Тэли митнгил красноармеецилты японцылдула дагамадячатын. Японцылдула ге ротатын эмэчэн. Капитан Агеев япон-

цылва тутэкэнди вадечан. Тадук нгалэлдивэр кусимэлчэвун. Бу нунгардулатын туксачавун. Нунгарнгитын бэлэгэтын нунгартын амардулитын туксадячан. Эду Агеев пулеметчикватын вачан. Пулеметва дявассаракин, нунган иманнала бурурэн. Пулемет албадяран пэктырудеми. Агеев пулеметва эчэн гада Пэктырулкэкур оча. Агеев кэнтэрэвэн гэевунчэтын, пуля эвтэлин начан, тадук иллэдукин ючэн. Агеев кусикиттук эчэн юдерэ. Минэвэ-дэ адыканэ начатын. Сунми упкат сангаричи очан, пэктырэвунмэв сукчачатын. Пэктырэвунми аран-аран нгалэдуви дявучадячав.

Би тэпкэдем:

— Пэктырэвунмэв сукчачатын.

Шаповалов-да гундерэн:

Гэевурдук пэктырэвунмэ гакал.

Би пэктырэвунмэ гам. Ичэм, пэктырэвун замокин эру бисин. Албадям нунгандин пэктырудеми. Минги пэктырэвунми сукчача бими-вэл, замок ая бисин, аят пэктырудерэн.

— Кэ, мэннгитви пэктырукэл — Шаповалов эридерэн. Бу дюлэски нгэнэдерэв. Ге японцыл ротатын мунэвэ мурэли нгэнэллэкин, тэли мунги гэевунмучэ капитанмун Агеев упкатуу умукэнду бикитту умунуптэвэр ипкэрэн. Хэкупчу олан. Гедук ротытын адыканэл эмэнмурэктын-мэл, 70 японцыл бичэтын. Хактырапчу оран. Бикит, бу бисидутын, эчэн ая биси; упкатва ичэденгэ бичэн, Японцыл бидеридутын — мар, супирэл бичэтын, бу-дэ — агланду бичэвун. Эду бими, мэннгилвэр кэтэлвэ эмэнмуденгэвун. Капитан Агеев адыкандымэрит вавчал бидэтын, аява ипкэнмэ гунэн.

Бу иландярва метрилва дюлэски нгэнэрэквун, тала ук-сукэ бичэн. Таду хуклэрэв. Японцыл нян дагамадявил. Нян тэпкэллэ: „банзай“, япосадыт „ура“ гэрбичи. Бу нунгарватын адыканэ дагамавиксисал, сокакунди пэктыруллэв, тадук граница чагидалан эрэстэв. Часки бу нгэнэдэвун

ипкэн ачин бичэн. Долболлон. Бу пэктүрудэвун эчэтын бурэ, Нунгартын-да туги-дэ эчэтын пэктүрүрэ. Нунгартын нян надара пэктүрэнчэтын, бу эчэвун пэктүрүрэ. Сот дэрурэв. Туги дыгин частула тэгэтчэчэвун. Мундулэ бэлэгэвун эмэрэкин, бу иландяр бичэвун. Мунду ипкэчинчэтын, застава нгэнэдэвун. Сурвун донготол бичэл. Кусикитту бисиквун, иманна рубашка долин биденэ, таду донготорон. Кармаду умукэн тыгичимни сулаптан, упкат границала нгэнэсинчэтын.

Бу гармоният эвиделлэв, иллэлвэр нямалгирав. Консервалва никсэл, депиллэв. Кэтэкэкур дэрэлвэр сэксэчил бисиктын-мэл, упкат сэвдепчут бичэвун.

Тыматнэ бу нян границала нгэнэчэвун. Японцыл мунэвэ эчэтын ичэрэ. Нунгартын бу дагадувун гранаталвар нодурактын-мэл, бу нунгардугын мэрвэр эчэвун ичэвкэнэ. Японцыл шпионилвар нгинакичил унгчэтын, мунэвэ гэлэктэдэвэр. Нгинакиртын мунэвэ бакарактын. бу булэсэлвэ пэктүруллэв, тадук границамала, асактадячавун.

Тар упкат миннги улгуриу 30 январь 1936 аннгани дярин. Бу 30 бэел бичэвун. Японцыл 2 ротачил бичэтын. Японцыл мунэвэ сокакун пэктүрудерэктин-мэл, бу нунгарватын давдырав. Красноармеецилты-дэ аят кусидечэтын. Туги-дэ гаемувчэлвун кусикиттук эчэтын юмудерэ. Умукэнду красноармеесту нгалэвэн гэевчэтын. Бессонов нунган нгалэвэн рубашкат уилдывчэн, нунган кусикиттук эчэн юрэ. Умукэн-дэ илэ гэевунмучэвэ илэвэ заставала албадячан нгэнэвдэви. Умукэнду аямамат бидечэвун, тарит кусикитту давдырав. Упкат садерэ муннги давдынимэвун.

Гирки Карацупа Улгуриу

ТАР ЭКУН НГИНАКИН?

Элэкэс улгүчэниктэ экун тар нгинакин бисин. Умукэн бее (илэ) албаракин давдыра, тэли эргэчинмэ нгинакинма бэе гавки. Дыкэндеривэ бэевэ эсикис бакара, тэли таргачира нгинакира бодосивкил. Мэннгинунми нгинакиннунми би 1933 аннганидук хавалдыам.

Дёним, тэли би алагувкиттула эмэксэ, аманним. Упкат нгинакир бувчэл бичэлтын. Минду умукэн-дэ нгинакин эчэн сулапта. Тэли алагувкит хэгдыгунин минду гунчэн:

— Кэ, Карацупа, эрэвэ качиканмэ гакал.

Минду-дэ качиканмэ бурэ. Эсин гудей бими-вэл, ая бичэн. Нунгандула эмэрэкив, конгактагачин чингэдерэн. Улирэкив, нгалэлви иннитви даладевки. Минду инемупчут нунганнунин бими-вэл, эсин сэвдепчут бичэн. Би гунчэлим: „Таргачиндук эя-да эденгэн бидерэ, элэ халдыавсэ биденгэн.

Нунгандун элэ сэктэвунду хуклэдеми, укумнивэ такса-
дукви умдэви кошкалва асактадави. Он нунганнун хавалми,
нунган унтави иргичигачиндук нгэлэдерэн». Хуюкун бинэ,
эсин гудей бичэн.

Би нунганман аят улирэкив, алагуракив, ая качикан
оран, бэркэ оран. Минэвэ амигачиндиви аявран. Миндук
умукэмэтье гирактая эчэн нгэнэрэ. Алагувнасинэкив, ну-
нганман сунат нгэнэвдем. Мучурэкив, нгалидем. Нонон
окин-да миндук инедечэтын, гундечэтын:

— Кэ, Карацупа хутэви нгэнэвдерэн. Эситкэн, харгил,
эвкил инэрэ. Гунивкил:

— Муннги лопчарин бакамни хуктыдерэн,

Тэде, нгинакиндув ая савкан оран. Нгидук-та эденгэн
дептэ, элэ миндук девувки. Эситкэн би нунганман хэгды-
гундуви эмэнмучэв (бум).

Хэгдыгуннунми туги-дэ хавалдави нгэнэденгэн, тадук
депилденгэн. Илаллава деммукин тэгэтчэми-вэл, хунгтулдук
нгилдук-тэ дептылэвэ эденгэн дептэ.

Туги бичэн: нунганман илэ-вэл бодорокив, эмукинмэ
эмэнмурэкив, мэнэкэн илэ-вэл нгэнэрэкив, тэли тала нун-
гандун пряникилва коллоболво бувкил. Нунган тарилва
упкатва гадяран, мэнэкэн гогодёрон, — аявдянагачин.
Тадук дуовэ дуннэвэ ичэксэ, уннгулувэ улэдерэн тадук
упкатва бувчэлвэ тала нэдерэн, маннатви дуннэвэ дас-
чана. Мэнэкэн эя-да эденгэн дептэ. Би эмэрэкив, нунган
минэвэ ичэтчэнэ дуннэвэ улэдерэн тадук миндук ичэв-
кэндэрэн.

Бэел (илэл) ичэчивкил он нунган минду бувчэдерилвэ
конфеткалва, коллоболво будерэн. Тарилвэ бувчэлвэ идэ-
гэлвэ энгэтытын гара: нгинакин буденгэ. Би ханнуктам:

— Нги бурэн?

Эвкил гунэ. Тэли би гуним.

— Эсиксун тэдэт гунэ, эритви гэлэктэденгэв.

Миннгиду „Индустув“ дюр конфеткалва тадук умукэнмэ
колобово бучэтын. Би нян ханнуктам:

— Нги бучэн?

Эвкил гунэ.

— Кэ, гиркил, гэлэсиниктэ.

— Тэли ичэм эду адыкарвэ илэл туксачатын. „Индусва“
тыним.

— Кэ, ариткал.

„Индус“ минэвэ станцияла нгэнэвдерэн. Нгил-дэ ачир.
Курэла туксачавун.

Ичэдем бэе илитчаран. „Индус“ нунганман боконон.

Би тэпкэчим.

— Кэ-нэ, алатчэкэл.

Нунган иллан.

Би ханнукталим:

— Гражданин, си колобово бучэс.

— Эчэв-гундерэн, — би эчэв бурэ.

— Кэ-нэ, аятмарит, дёнчакал.

Эсаллав ичэксэ, гунчэдерэн эрут одяган, тадук дюрвэ
минуталва алатчэксэ, тэдедечэн.

— Би колобово бум. Нгинакинни деммурэн.

Нги сарэн, экун коллобон бисин? Би аичимниду тар
колобово нгэнэвчэв.

Аичимни гунчэн:

— Эсин эру коллобос бисин.

Туги „Индусив“ хэгды оран. Амакан-да мэнми ичэвкэнэн.

Умнэ дозорду (ичэдэнду) биденэ, би хунгтул удаляватын
ичэм. „Индус“ минэвэ гулэсэгдулэ, гулэлэ эмэврэн.

Тэли би аят савка эчэв биси. Нгинакинми минэвэ ур
кэлэн эмэврэн.

— Никэллу!

Чэрүмэ. Эвкил гунэ. Конгколим. Эвкил турэттэ. Би гунчэлим: экун-мал бисин. Сот анарав. Замок бурурэн. Икитту нгил-дэ ачир. Оннгарвэ нгэриувкэним. „Индус“ гэлэктэллэн. Гулэду— доя ачин авдуннгачин. Нгил-дэ ачир. Би гуним: нгинакинми хунгтули удяли эмэврэн, сокторон. Умнэт „Индус“ хэгдылэ авсала микчанэн. Амаргилдуви халгардуви иллан, нэгилдиви авсава осидяран, нунганман анамудерэн. Би авсава нирэкив, нгил-дэ ачир. „Индус“ долан микчанэн. Юмэлчэн, мурэли хуктыкутгадяран, упкат силгиндерэн. Би авсава тынурэкив, нгинакинми кошка тэпурэкэнмэ амтадянгагачин онгоктотви ярково амталлан. Он-да нунганман эдук эденгэ юврэ. Би ярково сукчаракив (нунган горопты бичэн), тала ярко хэргидэн бичэн. Упкат олдоксо эчэ сукчара, „Индус“ эритви хактырапчула микчанэн. Би нгинакинми дярин нгэлэтчэчэв. Булэсэл ярко хэргидэдун тэгэтчэчэтын. Нги-вэл тала нунгарватын авсат дас-тан, мэнэкэн мисоран... Би револьверва гам.

— Юкэллу, — тэпкэчим.

Мэнэкэн-дэ „Индус“ дярин гунчэлим. Ваденгатын, кэсэгил, гунчэлим: чингэллэкин, хактырапчула пэктыруденгэв. Ярководу хуклэдем. Сангардули дылви, нгалэлви дыксэ, алатчам. Умнэт экун-мал лигиридерэн. Тадук би тэпкэнмэ долчачим. Хэргидэду нгинги-вэл дылин ичэвуллэн. Би таравэ дяваксэ, таргит ювчэв. Умукэн юрэн, нунгандулин ге юрэн. Тар сэгдэннэдун „Индус“ угучэдерэн. Дэрэлтын осивчал бичэл.

Би гуним:

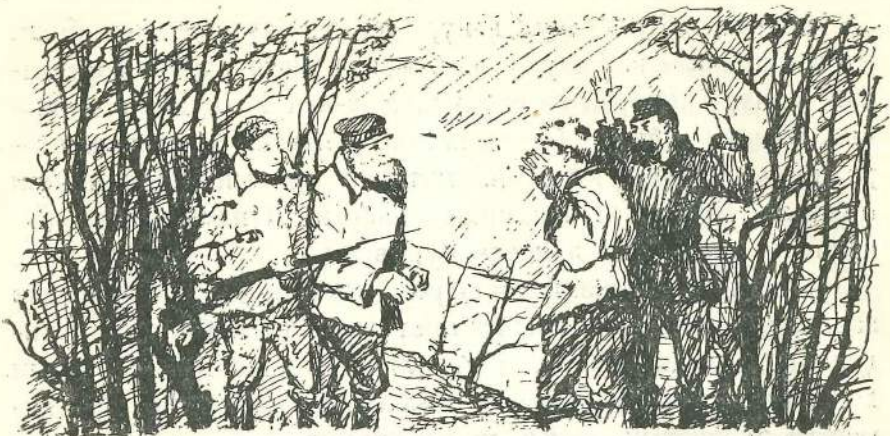
— Нгалэлвэр угиркэллу!—сэгденнэлдивэр элэ эчэскэллу!

Нгикимнадувэр нгалэлвэр нэдексэл, нунгартын илла. Би элэкэсиптывэ аритчэлим. „Индус“ гева тыниксэ, ярководу энэ сомналбудерэ тэгэтчэрэн. Минэвэ, нунгарватын-да ичэтчэрэн. Элэ ингактын нассаратчэрэн.

Ичэчим — булэсэлду вавур ачир, элэ коточил биси. Умукэндук гачав. Геду эчэсинэкив, нунган дариски микчанэн, минэвэ кототви вамудерэн. Эду-вэл качиканми миннги-иви биниви айран. Секаланнгачин нунган бандит кэнтэрэлин микчанэн, котолан, иктэлви лэнгэнгэрэн, инниви минэрэн. Булэн нгинакинмав анаран. „Индус“ нян микчаниксэ, нунганман дуннэлэ буруврэн.

Нунганман нгинакинми дярин пэктыруденгэ бичэв, элэ заставала аятмарит индерит эмэвдэви. Туги би дюрвэ индерилвэ, заставалави эмэвум. Иливэтын, авсат нунгарватын дасивчавэ, нэкуду тыматнэ колхогир бакачатын. Нунганман-да эмэвчэтын... Кэ, упкат гиркил.

Таргачин миннги нгинакинми бичэн. Тар дярин, заставалду красноармеецилты нгинакичил бивкил.

Гирки Мальшев

КОЛХОЗНИК-ОРДИНАЧИ УЛГУРИН

Муннги колхозвун граница дагадун бидерэн.

Гулэсэг чагидадукин, урэкэчэр ичэвувки. Тар хунгту дуннэ. Япониянги государствон, Манчжурия гэрбичи.

Дагадун советтыла границаяла дагамама, булэсэл заставалтын биси. Заставалду — Япония кусимнилтын, тадук офицерилтын биси.

Долбонитыкин, тырганиду-да пэктырүл (адар) долдывувкил. Тар пограничникилвун эсилвэ эривдерилвэ ирэмэмнилвэ эрэсивкил.

Мит, колхозникил, граница дагадун бидерил, окин-да бэлэсэл бисип. Хулама армияду мит окин-да бэлэсэл бэлэттэвэр. Советнгил дуннэлэ эмедерилвэ, шпионалва тадук сукчадарилвэ колхозникилты дявудярав. Сагдыл-да колхозникил кунгакар-да хунгтуду бэеду хоктово ичэвкэнденэл,

нунганман заставала унгдавкил. Таргачин муннги бикитвун. Дуннэнгдүт авангардту бидерэл.

Городу, окин-мал омнгочо бисим, митту сукчадарил бэел олла (савуллэ). Нунгартын колхоз авдулватын дёроми-дьячатын, гулэлэвун дегдычэтын (тадук колхозникилвавун вадечатын. Тэде булэсэлвун бичэтын. Нунгартын хэгдыгугу-тын Хорев бичэн. Туги нунгартын горowo сукчадьячатын. Горowo дявуктачавун, нунгартын мисоктачатын. Граница чагидалан нгэнэрэктын, тэли нунгарватын эденгэвун бакара. Алатчавкил, тадук нян эмэдевкил. Нян дегдэл, кусин... Нунгарнгилтын пэктырэвуртын аял бичэтын. Мит сарэл иду, нгил-дэ нунгардугтын пэктырэвурвэ бунэлвэтын.

Умнэ заставадуквун митту савкачатын: Хорев граница чагидадукин эмэрэн, нян муннгиду районду бидерэн. Бу умунуптэв, гулэсэгдуквар умутэлди юрэв тадук нян умунуптэв. Долбонива упкатван гэлэктэчэвун. Эя-да эчэвун бакара. Упкаттули урэкэчэрдули гиркуктачавун, мэнэкэр аран агиду эчэвун кайра. Хорев ачин. Туги эделин нгэриллэ, дяулавэр мучумудьячавун. Муннги гиркилвун дяулэски нгэнэчэтын, би-дэ умукэннун илмактанун колхозникнун амардулитын нгэнэдечэв. Урэкэчэр оелитын нгэнэдексэл, би экун-мал дылганннгачинмэ долдым. Долчатчам—эя-да ачин. Элэ эдын эдындерэн. Би гиркидукви ханнгутам.

— Си долдычас?

Нунган гундерэн:

— Экун-мал супирэлгачин горидерэн. Мурэли-дегдэчэ каптама аглан, хэргискиду-хоктокон, дагадун-супирэл биси. Ингинипчу ненгеды эдын эдынкүттэн. Бу гунчэдерэв алатта-вэр. Дыкэнэв, тэгэтчэрэв. Утигит аят ичэтчэми. Дагадун граница бисин. Хэргискиду хоктокон границатки нгэнэдэрэн. Туги горowo тэгэтчэксэл, донготочовун. Халгарвун

эсивун мэдэрэ. Би гунчэлим нгэнэдэви. Умнэт ичэтчэрэв нгэнэдевкил. Кэтэл: дыгиндяр биденгэ.

Митнгитэнэдук граница чагидалан нгэнэдевкил. Тэтыгэлтын эси кусидыл биси. Би гиркидуви гуним:

— Пэктырэвунмэвун ичуликэл.

Пэктырэвунмэвун ичулиллэкин, зомок донготорон.

Тарил илэл дагала эмэрэ. Тэли би рубашкави тэкэрим тадук гуним:

— Гакал, зомокво тэсикэл.

Хоктоло эмэкуттэв, хуклэсинэв, алатчарав. Туннга минуталдули дюр эмэдевкил. Би тэпкэчим:

— Нгалэлвэр угиркэллу!

Нунгартын нгэлэденэл, нгалэлвэр угирденэл, тэпкэдевкил:

— Экэллу пэктырурэ!

Мунду вавурвэ ачир, умукэн пэктырэвунмун, эрумэдэ оран.

— Нгил бисис?

— Нулгиктэмнил.

Он-ка. Митнгитэнэдукит. нулгиктэмнил бисил-гу? Ачир-гу? Нунгарнунтын эчэвун улгучэмэттэ. Время ачин. Долчатчарав, — нян дылгасалва, Гил нгэнэдевкил. Тарилду дюрду гуним.

— Нгалэлвэр угириксэл, дариски илкэллу! Эденгэсун долдыра... Амакан гилва арчарап.

— Нгалэлвэр угиркэллу! Гиркив пэктырэвунди чоко-риксэ, нунгарватын ичэчикуттэн. Нунгартын нгалэлвэр уги-риксал, элэ эсалдивар гиллэнэдевкил. Би гунчэлим, хута-карватын ичэттэвэр. Нунгарватын кэтэл, мунэ ваденга. Нун-гартын 37 бичэл.

Умукэнду ширенгаду иливкэниксэл, би гиркидуви, нун-гартын долчаттатын, гуним.

— Нгил сомналбурэктын, гидалакал, эритви пэктыру-кэл. — Мэнэкэн аритчэлим.

Унталдуктын, хутакардуктын кэтэл котовотын гачав Нунгартын хэгдыгудутын револьверва бакам. Упкатва ичэ-ксэ, би ипкэчим:

— Нгалэлвэр нгикимнэдувэр нэкэллу, марш... Туги нгэнэврэв.

Граница дагакакунду бу нунгарватын дяварав. Илан нямадил гирактал границадалан эчэтын иста, мучувкэнэв: Нунгарватын нгэнэвденэл, би инеумулим.

— Бу пэктырэвучил ачир бими, нунгартын сами, — эм-чал? Пэктырэвунмэвун сукчавча бисин...

Нунгарватын заставала гиркиду Чебышевду эмэврэквун, нунган гайкамиран.

— Идук нунгарватын гачасун? — ханнгуктаран. Кэ, би упкатва улгучэним: иду, он-да бу нунгарватын дявачавун Гирки Чебушев нунгардуктын упкатва ханнгуктаран.

Нунгартын хэгдыгутын шпион, багдама кусимни бичэн. Нунгардутын кэтэ алтанма, мэнгурвэ бакачавун кэтэл тыси-чал бичэл.

Эситкэн, дэнакив, бу дюктэ 37 бэел эмэвчэвун, — ине-мулим.

Амакан Хорев банданунин бакачавун. „Пограничники-лда бэлэтчэтын. Умукэн-дэ мундук эчэн нгэнэрэ.

Гирки Мотыльков

УЛГУРИН

Граница чагидадукин булэсэл миттулэ кэтэрэ эмэвэтчэв-кил. Хадун упкат отряд эмэдевки, хадун элэ булэсэл раз-веткалтын эмэдевкил. Окин-да мит нунгарватын маннгит арчадырап.

Бу нунгарнунтын арчадыраквун, нунгартын горovo аит чадывкил.

12 октябрьду (угунду) 1935 аннганиду мудандун митту хэкупчумэмэ кусикит бичэн. Тэли отделение командирван Валентинма Котельниковва вачатын. Котельников дярин бу нунгарватын кэтэмэмэлвэ вараквун-мэл, окин-да нунгартын сэксэтын, аядяриwэ Котельниковвавун мунду эдэнгэ мучура.

12-ду угунду нарядтула нгэнэсинчэвун: би, Скачков, Конаков тадук лейтенант Власов.

Сурудэлэн, упкат пэктырэвурвэр ичулирэ. Мурирвар гаксал, сурусинэв.

Би урэкэчэнду ичэмни бичэв. Угигит нунгартын Заставатын ая ичэтчэми: казармалтын (гулэлтын); кусимнилтын гиркудяриватын.

Туги бу дянилан частула тэгэтчэчэвун, тадук демуллэв. Гирки Власов гундерэн:

— Кэ депилгэт!

Бэел дептылэлвэр гаксал, депиливкил. Би-дэ этэетчэм, ичэтчэдем.

Адыканал минуталдули ичэдем, тала илэл туксадывкил хэлинчэденэл. Би гиркилдуви савкачав, тэли бу 8-ди эсалдивар ичэтчэчэвун.

Ичэтчэрэв, нунгартын хоктокондули урэкэчэнтывивэр нгэнэдевкил.

Командирвун гирки Власов гундерэн.

— Нунгарватын ичэдэндуквар экэллу тынэ.

Нунгартын улэкичтэвкил, этывэтчэнэ.

Мит мэнэкэр-дэ ичэтчэрэв: он нунгартын мурэли гиркудявкил, насасодывкил тадук улгумэтчэвкил, кэтэл-да бичэтын.

Тадук ичэтчэрэв: нунгартын границала нгэнэсиндечэтын. Границала исиксал, илла. Тадук дыгин илэл хэрэкэлчэтын, границаду илитчанал, эчэсивкил, ичэтчэвкил. Бу хуклэдэрэв, дыкэнэв. Мэрвэр нунгардудын эсив ичэвкэндэнэ.

Упкат дыгин туксактактын, ичэктэктывн, мучура: „нгивэ-дэ ачин, экэллу нгэлэтчэнэл, Советтыла дуннэлэ икаллу!“

Адыканэ нунгартын илитчачатын тадук нгэнэсинчэтын. Кусимнил 50 бичэтын тадук дюр угучадырил офицерил бичэтын. Муннгилэ дуннэлэ иксалтын, часкаки нгэнэчэтын. Офицерилтын амардулитын нгэнэдевкил. Муннгилэ урэкэ-

чэндулэ истарактын, эду офицерилтын сулапта (эмэнмурэ), насасодянал-да, кусимнилдувэр тэпкэдевкил:

— Эда илитчарас? Часки нгэнэкэллу.

Нунгартын нгэнэрэ. Мит энэ пэктыруденэл, нунгарватын тынэв. Тадук туги гулдырэв. Элэкэс офицерилватын вадавэр, тадук гиркудярилвэ илэлвэ амаскаки эдэвэр тынэ. Аямамат гулдычэвун: Конаков пулеметнун урэкэчэн оелидун биденгэн, нунган офицерилва чокончэденгэн, бу мэнэ-кэр-дэ нгески тутуденгэвун.

Тала ая бисин: супирэл, хоктокор-да ханнгандугачин ичэденгэ биси. Эду мит некэдечэвун упкат гадавэр, нунганду аямамэвэ уроква будэвэр. Пулеметчикнунми туги гулдычэвун авундиви алпуракин-нун, пэктыруннгэтытын. Нунган мунэвэ аят ичэтчэвки. Бу хэргиски нгэнэллэквун, умнэт долдырав- экун-мал пэктырул. Офицерил, маталвун, граница чагидалан мисодовор. мурирвэр иктуллэрэктын, тэли бу нунгарватын эчэвун алатта.

Эритви иландук пэктырэвурдуквэр пэктырурэв... тадук офицерилва ачир ора. Элэ эмукин муринтын амаски хуктыкуттэн. Тэли ичэтчэрэв: кусимнилтын дюлэски эси нгэнэдевкил, амаски туги-дэ эси нгэнэдевкил- туксакутта-дэвкыл. Элэкэсиптыдук химатмэр туксадявкыл. Нунгартын гунчэдечэтын, — амаргулдытын нгил дэ ачир, эду-да бу нунгарватын арчарав. Эрэвэ энэ алатчэнэл, элэкэс нунгартын тыкчэтын, тадук нян пэктырулчэтын. Пэктыруденэл, мэнэ-кэр-дэ амаски ичэтчэвкыл.

Хоктово ичэксэл, нунгартын дариски нгэнэсинчэтын. Конаков пулеметнун тэгэтчэрилэн (дыкэндерилэн) арчаптыки. Нунгандулан эмэчэтын дагала, пулемет эсин пэктырудерэн, симургадяран. Дагамамала эмэчэтын, пулемет-туги-дэ симургадяран. Экун-ка бисин. Би гунчэлим. — Коноковва вачатын? Пулеметвун сукча-гу бисин?

Дыски туксамуракив, умнэт барабангачин конгкодёрон. Экун нунгардуктын оран...

Упкат умунуптэ, тэпкэдевкил, эридевкил, нгэлэтчэнэл, иртыкитэнэлдулэ туксакутта-вкыл, пэктырэвурвэр нодудянал, Эду бу нян пэктырэвурдуквэр хэкупчувэ хавчавун.

Нунгардудын сокакун нгэлэпчут оран.

Умнэт ичэтчэрэв: нунгардулатын гил хэлэкэлтын кусимнилтын туксадявкыл нунгардудын бэлэдэвэр, тэли пэктырул долдывуксал, пограничкилвун заставадуквун эмэчэтын. Эрэвэ группава бу эрэстэв. Гилва-да, муннгил заставадуквун нгэнэдерэктын, пулеметтук гостинцылва бучэтын.

Тэли нунгартын гиркивавун Валентинма Котельниковва вачатын. Гирки Власовва — гэвчэтын. Элэкэс хутакандула гранатачила пуля нарэн, тадук нгалэлэн ирэн.

Кэ, мит аят булэсэлнунмэр таннгирэв. Иландяр вавчал-вэр тадук гэвунмувчэлвэ илэлвэ эмэнмурэ, тадук кэтэкэ-курвэ нгэнэвчэтын.

Советтыду дуннэду нунгартын адыканэ бичэтын. Химат нунгарватын эрэстэв. Элэ Валентинма, бараксанма, вачатын Ая гирки бичэн, Ая красноармеец бичэн.

РАССКАЗЫ О ПОГРАНИЧНИКАХ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Велика и обширна Советская страна. Наши границы тянутся лентой в 60 с лишним тысяч километров. Если бы наездник на отличном коне поскакал вдоль границ Советского Союза и ежедневно проезжал сто километров, он потратил бы на этот пробег около двух лет.

Советский Союз находится в капиталистическом окружении. Вождь народов тов. Сталин учит нас не забывать об этом, помнить всегда, что капиталистические страны с бешеной злобой смотрят на успехи строителей социализма и пачками засылают в нашу страну своих шпионов, диверсантов, вредителей.

Советские пограничники, о подвигах которых рассказывается в этой книжке, несут почетную и трудную службу. Днем и ночью, в жару и мороз, в дождь и вьюгу, пограничники-наркомвудельцы держат вахту на рубежах нашей великой родины, охраняют ее от врагов.

Высокая революционная бдительность, постоянная готовность встретиться лицом к лицу с врагом, вступить с ним в смертельную схватку и выйти из этой схватки победителем, зоркий глаз, твердая рука и крепкая воля—таковы качества советских пограничников, верных сынов партии Ленина—Сталина.

Враги нашей родины, шпионы, нарушающие границы, хорошо знают, какую встречу готовят им советские пограничники. Вся наша страна, весь могучий советский народ свято чтит память замечательных героев Василия Баранова, Валентина Котельникова, Андрея Коробицына и других героев, павших геройской смертью при защите границ нашей великой родины от шпионов, диверсантов и захватчиков.

Сотни пограничников за доблесть и геройство, проявленные ими при защите советских границ, награждены орденами Советского Союза. Пограничные будни наполнены множеством фактов боевой доблести. Среди пограничников много замечательных мастеров своего дела, искусных разведчиков, от которых не уйдет ни один враг, как бы хитер и изворотлив он ни был. Таков, например, тов. Карацупа, рассказ которого напечатан в этой книжке. Тов. Карацупа вместе со своей собакой „Индус“ имеет свыше сотни задержаний.

Японо-манчжурские бандиты за последние годы не один раз пытались испробовать крепость наших границ. Не один раз они устраивали провокационные, хулиганские налеты на наши границы на Дальнем Востоке. И каждый раз, даже в тех случаях, когда их численность в десятки раз превосходила численность красных пограничников, они с позором убирались во-свояси, неся большие потери.

За последние десять лет пограничными частями Наркомвудела было задержано около 10 тысяч шпионов и шпионских пособников, отражено несколько тысяч бандитских налетов на пограничные районы, уничтожено несколько сотен бандитских и диверсионных шаек.

Сила советских пограничников прежде всего в том, что они плоть от плоти и кость от кости нашего народа. Они живут интересами советского народа и доблестно защищают эти интересы. Народ оказывает пограничникам, передовым бойцам славной Красной армии, активную и постоянную помощь в охране границ, в поимке нарушителей.

Миллионы трудящихся нашей страны с горячей любовью относятся к пограничникам. Когда кто-либо из них погибает в бою, на его место тотчас же вступает его брат, товарищ. Недавно был такой случай. Семнадцатилетний Миша Коробицын, племянник геройски погибшего в 1927 году в бою с диверсантами Андрея Коробицына, рассказ о героической смерти которого (отрывок из повести Слонимского „Пограничники“) мы здесь помещаем, послал в Москву письмо наркому внутренних дел о своем желании стать таким же, как его герой-дядя. Москва не задержала ответ, и сейчас Миша Коробицын служит в пограничной заставе лейтенанта тов. Болонина.

Советские пограничники, руководимые сталинским наркомом советской разведки тов. Н. И. Ежовым, своей самоотверженной службой народу показывают пример советского патриотизма всем трудящимся нашей страны. С законной гордостью поют они свою походную песню:

На грани миров мы стоим часовыми,
Дождь нас, и зной, и ветра закалили,
Ночь и туман отточили наш взор,
Мы—пограничный чекистский дозор.

Михаил Слонимский

АНДРЕЙ КОРОБИЦЫН

(Отрывок из повести „Пограничники“)

Зина писала Коробицыну, что торопиться с решением нет причин. Времени впереди еще много, чтоб обдумать, жить ли им на границе, если Андрей останется на сверхсрочной, или поворачивать жизнь в деревне. Сама же она границы не боится. А любит она его попрежнему и просит срочно сообщить—любит ли ее попрежнему и Андрей.

Письмо Коробицын получил к вечеру и ответить решил завтра после смены.

Назавтра, 21 октября, в четыре часа утра, он получил инструкцию от начальника заставы—двигаться по границе от 215-го пограничного столба до 213-го и обратно. Он не должен был укрываться, он должен был идти спокойно, потому что он—маяк, демонстрирующий спокойствие советской границы, охраняющий тайны лесов и болот. Для нарушителей заготовлено достаточно сюрпризов в глубине леса.

Обход Коробицына начинался с полуразрушенного сарая, гниющего на берегу Хойка-йоки. Стог сена желтел невдалеке от этой дырявой постройки.

В желтом сумраке Коробицын шагал по дозорной тропе, не сводя глаз с той стороны, но винтовку дулом держа к тылу. Инеем была подернута земля. Утренняя осенняя свежесть холодила щеки, и несильный ветер гулял по опушке леса, чуть колебля ветви и наземь бросая последние, еще цепляющиеся за жизнь листья.

В шесть часов начальник заставы проверил Коробицына и

остался доволен—Коробицын выполнял задачу добросовестно. Начальнику заставы подумалось, что Коробицын никогда еще не заявлял никаких жалоб. На обычные вопросы перед инструктажем и посылкой в наряд—здоров ли? хорошо ли отдохнул?—он всегда отвечал утвердительно:

— Здоров, товарищ начальник заставы. Отдохнул хорошо.

И при осмотре оружия все у него всегда оказывалось в порядке. Задержания производил храбро. Но начальник заставы все еще не спешил с окончательным мнением о каждом из бойцов. Окончательных мнений, впрочем, он вообще не любил. Окончательное мнение—точка, конец, а человек развивается, живет, изменяется.

Медленно яснело утро. День устанавливался сухой, ясный, и стих ветер. Коробицын ходил дозорным уже шестой час, но ничего подозрительного не увидел и не услышал. Совсем посветлело, когда он, пройдя березу, выступившую из леса к самому почти берегу, пропустив кусты, приближался в который уже раз к черневшему одиноко сараю с тем, чтобы вновь повернуть отсюда обратно.

Вдруг он увидел прямо навстречу ему во весь рост вставших людей. Один был громадного роста, на голову выше Коробицына, в русской рубашке, с сумкой через плечо, и в руке его был парабеллум, наставленный прямо на Коробицына. Другой, невысокий, черный, с двумя как бы шрамами на щеках, пошел на Коробицына справа. Третий выскочил слева, из-за сарая. И три дула глядели на Коробицына.

— Сдавайся!—не крикнул, а сказал громадный мужчина, и была в его голосе большая сила.—Сдавайся—или убьем!

Никогда еще не было Коробицыну такой опасности, как сейчас.

Все такое привычное—дырявый сарай, стог сена, Хойка-иоки—вмиг стало чужим, незнакомым, враждебным. Смертоносным воздухом той стороны пахнуло в лицо Коробицыну, и жарко ему стало в это холодное осеннее утро.

С отчаянной силой сопротивления он вскинул винтовку к плечу, выстрелил, но винтовка шатнулась, потому что сзади его вдруг ударило по ноге. Он не видел, как из-за кустов подобрался к нему сзади четвертый человек, одетый не по-летнему, как стоявший

перед Коробицыным, не признающий холода Пекконен. Четвертый был в овчинном тулупе и зимней серой кепке.

Коробицын упал на колено и выстрелил еще раз. Три подряд пули впились в его тело, и он упал наземь. Он не чувствовал боли. Небывалое возбуждение захлестывало его. Решалась жизнь. Лежа на земле, не выпуская винтовки из рук, он всхлипнул и с земли прицелился в громадного мужчину, которого сразу же признал вожаком. На остальных, жаливших его, он и не глядел. В ногах было мокро, кровь. Его окружали. Его окружали, чтобы уволочь на тот берег.

Коробицын выстрелил и вскрикнул радостно, увидев, что воjak пошатнулся и упал. Он выстрелил еще раз и еще, и услышал бег родных ног на помощь.

— Я вам!—крикнул он в невыразимой злобе и радости, и туман застлал ему зрение.

Дело длилось несколько секунд. Но когда прибежала подмога, уже трое мужчин несли четвертого через речушку. Задержать их было невозможно—пуля ляжет на ту сторону.

Коробицын очнулся на бугре в лесу. Его донес сюда красноармеец Шорников.

Увидев себя в кругу родных лиц, он ощутил такую радость, какой никогда еще не испытывал. Все было привычное и родное вокруг—земля, осенний лес и люди, товарищи...

— Как вышло?—спросил он возбужденно.

— Вышло хорошо,—отвечал начальник заставы, уже прискакавший с заставы.—Задание вы выполнили, врага отбросили, товарищ Коробицын.

— Сволочи,—сказал Коробицын. Слова рвались из него, как никогда. Он, обычно молчаливый, был сейчас непохож на себя.—Трое их...

— Четверо их было,—поправил начальник заставы.

— Ну, я одного ссадил. Попомнят.

Возбуждение не проходило. Он не сомневался, что раны у него легкие. И все снова и снова он радовался родной земле, родному воздуху, родным лицам. Все здесь обещало жизнь и счастье.

Подскакал комендант с лекпомом.

Продели рукава шинелей в палки и на эти самодельные носилки положили Коробицына.

Он не застонал, но лицо его дрогнуло, и черные брови сдвинулись в напряжении.

— Болит?—спросил начальник заставы, склонившись над ним.

— Ногу больно,—отвечал Коробицын.

— Ничего. Пройдет.

Нога в подъеме горела и ныла.

— Одного я ссадил,—повторял в непрекращающемся возбуждении Коробицын, пока его несли к заставе.—Оправлюсь—узнают они еще меня. Покажу я им, как к нам лазить.

И этот момент, когда он один бился против четверых и победил, казался уже самым радостным в его жизни, словно он впервые по-настоящему узнал себя в полной мере.

На заставе уже ждала докторша из соседней больницы. Докторша спокойно и внимательно осмотрела его. Три раны в ноге она не признала опасными, только в подъеме ноги пуля застряла.

Коробицын не стонал и при осмотре, выдерживая боль с неожиданной легкостью. Только попросил:

— Пулю-то выньте. Не хочу ихней пули в себе.

О четвертой ране докторша ничего не сказала Коробицыну. Четвертая рана была в живот.

— Надо отправить в Ленинград,—сказала она.—В центральный красноармейский госпиталь.

И, отведя начальника заставы в сторону, прибавила тихо—так, чтобы Коробицын не слышал:

— Сегодня же отправить надо. С первым поездом.

Она произвела не понятый и начальником заставы укол, и запахло как будто спиртом.

— Вот давно не пил,—засмеялся Коробицын.—Вот хорошо!

Он лежал на своей койке, куда сразу, как принесли, положили его, и за окном слышалась ему родная жизнь заставы. И когда он узнал, что лежать ему не в деревенской больнице, где его навещали бы товарищи, а в Ленинграде, он взмолился:

— Разрешите, товарищ докторша, возьмите к себе. Куда мне так далеко?... Рана-то легкая...

— Зато Ленинград увидите,—утешала докторша.—Октябрьские праздники там увидите.

— А сколько дней мне лежать-то там? Неделю? Больше?

Ему все не верилось, что привычная жизнь его на заставе преврана. Ему казалось, что вот он встанет и пойдет сейчас. Неужели враг, сволочь, так сильно саданул?

К крыльцу уже подкатила тележка, и начальник заставы вышел поинтересоваться—откуда это.

— Из деревни крестьяне прислали,—важно отвечал безбородый, но очень серьезный финн.—Я больного на станцию и повезу.

Начальник заставы поблагодарил,—он только собрался еще посылать в деревню за телегой.

Положили много соломы, чтобы мягче было ехать, и уложили Коробицына в тележку. Лекпом присел сбоку. Коробицын прощался со всеми, кто окружил его. Вдруг он взволновался:

— А не смеется кто, что я отбросил, да не задержал? Что Болгасов говорит? А Бичугин?

Болгасов и Бичугин—оба были в наряде. Но за них ответил начальник заставы:

— Гордятся тобой бойцы, товарищ Коробицын.

— Винтовку мою передайте Бичугину,—успокоенно сказал Коробицын.—Пусть бережет. Скоро вернусь. Покажу им еще, как к нам лазить!

Начальник заставы был так же, как и Коробицын, уверен, что тот поправится, хотя он знал о ране в живот. Начальник заставы видел эту рану—маленькую дырочку и немного крови.

Через четыре дня начальник заставы, получив до четырех часов отпуск, ранним утром отправился в Ленинград навестить Коробицына. Праздничный вид города взбудрил его. Он зашел в гастрономический магазин и купил Коробицыну винограду и сладостей. Затем сел в трамвай и поехал к раненому, заранее предвкушая, какой это будет,—скучающему, должно быть, красноармейцу,—приятный сюрприз.

В вестибюле, просторном и пустынном, дежурная сестра строго сказала ему:

— Прием с четырех. Сейчас к больным нельзя.

Но так как она сейчас же и ушла куда-то, он спокойно прошел к раздевалке и, увидев брошенный кем-то на стул халат, снял хладнокровно, как имеющий право, шинель, повесил ее, надел халат и в этой защитной одежде пошел в палаты. А если человек в халате, то тут уже никто такого не остановит.

Он путался по коридорам, спрашивал, где тут хирургическое отделение. В руках он крепко держал кулек с виноградом и корзиночку со сладостями, красиво завязанную голубой ниткой.

Подойдя к операционной, он увидел, как пронесли оттуда кого-то, с головой накрытого простыней.

Больниц и госпиталей он не любил. Его начинало уже мутить от этих запахов.

Он остановился у хирургического кабинета. Здесь он ждал кого-нибудь, чтобы навести справки. Когда вышла наконец сестра, он подошел к ней и начал:

— Тут к вам доставлен раненый пограничник...

— Коробицын, — торопливо перебила сестра. — Он сейчас умер после операции. У него был перитонит. Очень тяжелое ранение.

И, взглянув в лицо ему, осведомилась уже не так поспешно: — А вы кто ему будете? Товарищ? Или родственник?

Начальник заставы никогда потом не мог вспомнить, как это он ехал обратно. Но на границу он вернулся во-время.

У крыльца, когда он сошел с коня, ждавшего его на станции, нетерпеливо и недовольно подбежал к нему сын.

— А где дядя Андрюша? — спросил он строго. — Ты же обещал привезти его.

Начальник заставы тут только, в приучающей к вниманию обстановке, заметил, что нет при нем ни винограда, ни сладостей, — потерял где-то. Ничего не ответив мальчику, он прошел в Ленинский уголок, где Лисиченко вел занятия, и сказал:

— Умер наш Коробицын, товарищи. Скончался от ран.

Была одержана важная победа — Коробицын вывел из строя Пекконена, опаснейшего врага. План переброски террористической группы к юбилейным праздникам в Ленинграде был сорван.

Тов. Марченко

ТРИДЦАТОЕ ЯНВАРЯ¹

Расскажу я о стычке 30 января тридцать шестого года, поскольку я, Марченко, находился на той заставе, где эта стычка была.

Ночью 30 января я был в наряде. Утром вернулся, выпил кружку молока, лег отдыхать. Поспал я так часов до одиннадцати, а потом поднялся и сел чинить полушубок и чинил его до обеда.

Только подали обед — выстрел по направлению границы. Дежурный заскакивает в столовую и говорит:

— Товарищ помнач, в направлении Мещерякова слышны ружейные выстрелы.

— Усилить наблюдение, — говорит помнач.

А мы уже слышим пулеметный и ружейный огонь. И, кроме того, гранаты рвутся. Не ожидая дальнейшей команды, выскакиваем, бежим в казарму одеваться. Команда подала все ружья, и мы побежали на помощь наряду. А там уже наш наряд столкнулся с их дозором, который стал стрелять первым. Они были с собаками: три собаки впереди, а три сзади. И сзади у них находился еще взвод, чтобы дать дозору возможность продвигнуться глубже на нашу землю. Завязалась перестрелка. Слышим — пулеметы строчат, как дождь идет, а визга пуль не слышно. Только звук выстрела — и все. Мы побежали вперед. Опять пулемет.

Я говорю:

— Давайте мне одного бойца, мы подойдем ближе, с фланга, ударим и можем их задержать.

— Нет, — говорят, — обожди: сейчас придет к нам подкрепление.

И действительно: минут через двадцать подоспел товарищ Агеев со своими ребятами. Агеев взял меня и еще одного красно-

¹ В конце прошлого года в Москву приехали герои-пограничники с заставы им. Кагановича. В Кремле им были вручены ордена — награда за доблесть и мужество, проявленные при защите наших границ. Герои рассказывали эпизоды своей боевой жизни, и четыре такие устные новеллы мы предлагаем вниманию читателя. Рассказы эти были записаны со слов рассказчиков.

армейца в дозор. А остальные идут за нами метрах в двухстах сзади. Дошли почти до сопки „Пионер“. Никого нет, только снег смят, сильно смят снег.

Я говорю:

— Товарищ начальник, чистил-чистил винтовку, и не придется ни одного выстрела сделать.

А он засмеялся.

— Обожди,—говорит,—немного.

Потом стали гранаты проверять. Тогда был мороз сильный. Мы боялись, как бы они не замерзли к бою. Проверили гранаты. Начальник спрашивает:

— Видишь что-нибудь?

— Вижу,—говорю,—дым на возвышенности.

— Осторожнее,—говорит начальник,—подготовливай гранаты.

Идем—не идем, а лезем. Подползли ближе. Костра никакого нет; ну ладно, давай, подождем. В это время подтянулись задние... Смотрим на кусты, а там чаща—не пролезешь.

— Ты видишь что-нибудь?—опять спрашивает капитан Агеев.

— Кто-то ходит там,—говорю я.

— Это они,—говорит капитан.

— Товарищ капитан, а их много там,—заметил я.

Здесь мы остановились и залегли в валежник. Подошли к нам остальные, и мы заняли сопку „Пионер“. А „они“ все идут да идут вдоль линии границы. То на нашу территорию залезут, то обратно—на свою. Перешли мы через сопку „Пионер“, смотрим—на вершине кончается густой лес: там реже лес идет, виднеется поляна, кусты, но снег их занес, так что одни макушки видны. Смотрим, а там в кустах их наблюдение уже стоит. Думаю, стрелять будет не так хорошо: кусты, и не особенно близко. Тут подошли наши с пулеметом, и капитан говорит:

— Давайте-ка, еще продвинемся немного.

И вот здесь завязалась перестрелка. Развернулся боевой порядок. Здесь перед нами была вся японская рота. Они—огонь, и мы—по ним огонь. Что там с них получилось! Стали подниматься, бежать. Заговорил ихний пулемет. Стало жарко. Но бойцы держатся хорошо. Вот, к примеру, товарищ Бессонов, пулеметчик номер

второй: нес пулемет и диски и очень устал; командиру отделения Шаповалову, сменившему его, Бессонов отдал ношу нехотя.

— Что вы, товарищ командир, я еще понесу!

Но командир сменил его, и Бессонов опять остался стрелком при своей винтовке. Этот Бессонов—веселой души человек: шутил все время со всеми. Здесь—огонь, бьют по нас рикошетом японские пули, а Бессонов перебегает от дерева к дереву и кричит:

— Ничего тебе Ариша не пишет. Как теперь Ариша твоя живет!

Барышня такая у него была, Ариша. Бойцы хохочут, и я хочу, а Шаповалов от хохота чуть под дерево не упал. Здесь самый основной бой и завязался. Мы сходим в падь, а они отступают. Мы на склоне сопки, а они—под ней. Мы сошли на середину сопки, а здесь—сильный огонь, слева и справа. Тут к врагу подкрепление идет,—еще одна рота. Ну, и мы стали стрелять как следует. Трудно было только первые выстрелы давать, нервничаешь. А потом пошло как по маслу. Сблизились с японцами на четыре десятка метров. У нас уже были раненые, несколько человек. Огонь сильный. Бессонов хотел спрятаться за куст, а по кусту ударили пулеметы, и все лицо у Бессопова в крови и побитое. А потом Бессонов упал, винтовка воткнулась в снег, и пули свистят над ним.

Комвзвод Моисеенко кричит:

— Ребята! Бессонов убит!

А Бессонов вдруг встает, выплевывает снег, берет винтовку, кричит обратно:

— Я—живой, ребята!

Японцы орут из-за одного куста: „банзай“, „банзай“. Но мы по этому кусту и стали стрелять, многих ранили, и они закричали дурными голосами.

В это время левый фланг пошел в штыки,—у японцев была уже вторая рота. Капитан Агеев рубил японцев ихним же клинком. Рукопашная схватка. Мы на них бежали, а они на нас. И подкрепление к ним рядами сзади перебегает. Здесь Агеев застрелил пулеметчика, схватил пулемет и хотел вести огонь, а пулемет—как упал в снег, и не может работать. Агеев его и бросил. Сильный огонь был, и уже ранили Агеева, прострелили грудь

с правой стороны, и пуля задела легкое и прошла навылет. Но Агеев не выходит из боя. И меня немножко кругом пощипали. Полушубок мой кругом прострелили, винтовку попортили. Только на одном винте держался ствол винтовки. Я кричу:

— Винтовку мою испортили.

А Шаповалов говорит:

— Возьми у раненого.

Я попробовал, а она тяжело ходит: не могу я из нее стрелять. А у меня хоть винтовка и прострелена, а металл не поврежден: затвор хорошо ходит, и стрелять ладно.

— Ну, стреляй из своей!—кричит Шаповалов.

И мы продвигаемся дальше. Вторая резервная японская рота обходит нас с обоих флангов, и раненый капитан Агеев дает распоряжение собраться всем в кучу. Жаркое пошло дело, и хоть от второй роты—один остаток, а все-таки много—человек семьдесят японцев против нас. В это время стемнело. Место, где мы находились, было тактически невыгодное: открытое было место. Там, где находились японцы,—кустарники и лес, а мы—на открытом месте. Если остаться здесь, значит—мы понесем большие жертвы. Капитан Агеев дает приказ—отойти с таким расчетом, чтобы можно было спасти больше людей, то есть чтобы меньше было жертв. Мы отошли метров на тридцать. А там—ров. Залегли в этот ров. Японский остаток опять пошел в наступление. Опять поднялся крик: „банзай“—„ура“, по-ихнему. Мы допустили их, открыли сильный огонь и выбросили их обратно за границу. Дальше итти нам приказано не было. Тут наступила ночь. Стрелять нам уже запретили. У них тоже огонь утих. Правда, они еще раз семь выстрелили, но мы уже не обращали внимания. Мы страшно устали, но заняли оборонное положение и так пробыли до четырех часов ночи. Нас оставалось тринадцать человек, когда к нам пришло подкрепление. Мы получили распоряжение итти на заставу. Полушубки наши так обмерзли, что стояли колом. Во время боя снег все время попадал за пазуху, а в горячке оправиться было некогда, так снег и замерзал там. В казармах оставался один дежурный,—все ушли на границу. Мы стали играть на гармонии и греться. Потом разогрели консервы и подкрепились. У многих лица были в крови, но веселились мы как живые.

На другой день мы еще выезжали туда и видели японцев, а они нас не видели; они бросали ружейные гранаты, которые возле нас рвались, и все же мы им не показывались. Когда японцы решили, что тут никого нет, они послали своих шпионов с собаками узнать, есть ли кто-нибудь. Когда собаки нас обнаружили, мы открыли по врагам огонь и всех зашибли и потом преследовали их до самой границы. Вот и все, что я могу сказать о 30 января 1936 года. Фактически нас было всего человек тридцать—против двух японских рот. Ничего,—справились, хоть огонь был такой, что когда мы лежали под деревом, то очень скоро от этого дерева ничего не осталось. И бойцы дрались хорошо, и даже раненые не хотели выходить из боя. Одного товарища, раненного в руку, Бессонов перевязал рубашкой, и тот остался в бою, потому что каждая минута была дорога, и ни один человек не мог уйти, чтоб отнести раненого на заставу. Держались дружно и поэтому выиграли бой. А то, что мы его выиграли, это знают все.

Тов. Карацупа **ЧТО ТАКОЕ СОБАКА?**

Прежде всего скажу, что ж это за собака такая. Собака эта применяется тогда, когда человеку одному не справиться. Если тот, кого ты ищешь, скрылся, как сквозь землю провалился, тогда применяется розыскная собака. Вот с моей я работаю с самого начала—с 1933 года.

Помню, приехал я тогда в школу и опоздал: собак всех роздали, и для меня ни одной взрослой собаки не осталось. Начальник школы и говорит мне:

— Что же, Карацупа, бери вот этого щенка!

И мне дали щенка. Некрасивый он был такой, лохматый, но ласковый, чорт. Подойдешь к нему, твякает как колокольчик, а покормишь—руки языком оближет: благодарный, значит. Смешно мне с ним было, а невесело. „Никакого толку,—думаю,—из этого карапуза не будет, и наберусь я с ним стыда и огорчения“. Не пес, а одна насмешка! Такому впору лежать под матрацем, лакать молоко из блюдечка или гонять знакомых кошек по крышам. Как

работать с ним, когда он моего сапога как волка боялся? Непонятно, в чем только собачья душа держалась! Маленький он был какой-то, непредставительный.

Намучился я с ним, и пес исправился: получил характер, сноровку, окреп. А главное—полюбил меня, как отца родного. Ни на шаг не отходит. На занятия, бывало, пойдешь, на веревочке его ведешь, а с занятий возвращаешься—на руках несешь. Раньше смеялись надо мной, не давали проходу: „Вот, говорят, Карацупа сына несет“. Теперь не смеются, черти, говорят: „Вот и бежит наш сыщик лохматый!“ Правду сказать, получился характер у моей собаки. К примеру, и кушать она ни от кого, кроме меня, не будет. Сейчас я ее оставил своему начальнику. Она с ним пойдет работать и будет от него кушать, а от других не возьмет, хоть три дня голодная просидит.

Бывало, отправившись с ней куда-нибудь, оставишь одну, а сам уйдешь. Там ей бросают конфеты, пряники, хлеба. Она все забирает и лает,—благодарит, значит. А потом выберет землю помягче, выгребет ямку и все подарки туда свалит и еще землю лапкой пригребет. И ни крошки сама не съест. Когда я прихожу, она отгребет землю, показывает мне свою бакалею и смотрит на меня.

Стоят, смотрят, интересуются: глядишь, а она уже отдает мне подаренную конфетку или булочку. А дарить эти вещи не разрешается: можно отравить собаку. Я спрашиваю:

— Кто давал?—Молчат. Тогда говорю:

— Не признаетесь, сейчас же буду искать.

А дали моему „Индусу“ две конфеты и одну булочку.

— Кто давал?—спрашиваю я опять.

Молчат.

— Что же, товарищи, придется искать...

Тут увидел я, что несколько человек из толпы убежали. Я пустил „Индуса“. Давай ищи! Повел „Индус“ на станцию. Нет никого. Выбежали на двор.

Вижу, идет человек. „Индус“ нагоняет его... Я кричу:

— Ну-ка, стой!

— Гражданин,—спрашиваю,—вы давали булочку?

— Нет,—говорит,—я не давал!

— А ну-ка, припомните лучше!

Посмотрел он мне в глаза, видит—дело не шуточное, помялся минуты две,—здорово парень перепуганный был,—и растерялся.

— Я давал булочку. Собака ж кушать хочет.

Кто его знает, что это за булочка? Отнес я эту булочку врачу. Врач не признал, что она отравленная.

Так вот подросток мой „Индус“, окреп и очень скоро показал себя.

Однажды, находясь в дозоре, я увидел подозрительные следы. „Индус“ привел меня в поселок, к дому. Я еще не очень опытен был и практики большой не имел. Собака подвела меня к двери.

— Откройте!

Тихо. Не отвечают. Застучал. Молчат. Ну, думаю, неладно. Нажал покрепче. Запор отлетел. В сенях—никого! Осветил углы. „Индус“ сразу начинает искать. Дом—как пустой орех. Никого, думаю, ошиблась собака, по ложному следу повела. Только вдруг „Индус“—стрелой к большому сундуку! Встал на задние лапы, а передними сундук царапает, точно сдвинуть его хочет. Открыл я сундук,—никого. А „Индус“ прыгнул внутрь, выскочил и мечется вокруг и дрожит весь. Оттянул я сундук, а пес как бросится на землю и тычется носом в половицы, что кошка, пронюхавшая мыш. Хоть убей его, не сгонишь с места. Взломал я тогда половицу, некрашенная была, ветхая,—а там подполье. „Индус“ протиснулся в щель, не дал мне всю доску отодрать, и брысь в темноту! Ох, и заболело же у меня сердце за собаку! Нарушители там в подполье сидели, их кто-то закрыл сверху сундуком, а сам удрал... Я вынимаю револьвер.

— Выходи!—кричу.

А сам уже хороню „Индуса“. Пришибут его, звери, насмерть! Решил: как завизжит, буду стрелять в темноту. Лег я на пол, просунул голову и руки в дыру и жду. Вдруг, как захрипит там что-то, зашваркает... И слышу я крик,—плохо тому, кто так кричит! И прямо подо мной—чья-то голова. Я его, голубчика, за ворот—на свет божий. Вылез один. За ним—другой, а у того „Индус“ на спине верхом сидит. Лица у обоих расцарапанные, измятые.

— Руки вверх!—говорю.—Повернись спиной!

Заложив руки за голову, повернулись они. Я стал обыскивать первого. А „Индус“ второго отпустил и смиренно сидит на полу, поглядывает то на меня, то на них. Сидит, не шелохнется, только шерсть на затылке гармошкой собралась.

Вижу—при нарушителях боевого оружия нет, только ножи одни. Отнял я у одного, повернулся ко второму, а тот изловчился, отпрянул—и на меня с ножом в руке! Вот здесь-то мой щенок и спас мне жизнь. Как мяч, он прыгнул к бандиту на грудь, прямо на нож, и зубы передние себе выломал и язык разрезал. Нарушитель отшвырнул собаку, и она во второй разхватила его мертвой хваткой и повалила на землю.

Можно было его пристрелить за собаку, за то, что искалечил ее,—только убивать неинтересно: интересно живым доставить. Ну, и доставил я обоих живыми на заставу. А третьего, того, что сундуком их прикрыл, утром колхозники нашли в яме, куда картошку ссыпают. И этого привели... Ну вот, и все, товарищи. Вот, что такое моя собака! Вот, для чего эта собака применяется!

Тов. Малышев

У РОДИНЫ В АВАНГАРДЕ

(Рассказ колхозника-орденоносца).

Колхоз наш близко от границы. Если выйти за околицу, да посмотреть—сопки видны. Это уже другая страна—Манчжурия, японское государство.

Близко к советской границе, совсем близко, придвинулись заставы вражеские, а на заставах—солдаты и офицеры японские.

По ночам, да и днем, часто выстрелы слышны. Это наши пограничники гостей непрошенных выпроваживают.

Мы, как живущие близко от границы колхозники, всегда на чеку. Всегда готовы прийти на помощь нашей Красной армии. Нередко вылавливают колхозники наши шпионов и диверсантов, пробирающихся в советскую страну. И не только взрослые

колхозники, но и ребята наши всегда постороннему дороге укажут, но прямо на заставу. Место у нас такое. Живем у родины в авангарде.

Не помню, в каком году, но давно уже появилась у нас бандитская шайка. Грабили они и жгли, убивали, и все больше колхозников и колхозное добро. Настоящие классовые враги! Атаман у них Хорев был. И так они пакостили, пока не взялись мы их истребить. Долго ловили, а они все ускользали. Уйдут за границу, а после ищи их там. Подождут, а затем снова придут, и опять пожары, разбой... Вооружены они были хорошо. Мы знали, кто и где их вооружал.

Однажды нам сообщили из заставы: Хорев перешел границу и опять в нашем районе. Мы собрались, вышли поодиночке из деревни,—это для конспирации. А после соединились. Искали всю ночь, ничего не нашли. По всем сопкам прошли, сами чуть в тайге не заблудились,—нет Хорева. И вот уже на рассвете решили обратно возвращаться.

Основная группа наша ушла вперед, а я с одним колхозником, молодым парнем, идем сзади. Когда высоту проходили, мне почудилось, будто голоса. Прислушался—ничего, только ветер шумит. Я спрашиваю у товарища своего: „Ты слышал?“ Он говорит: „Да кусты вроде трещали“.

А место вокруг нас ровное, выпаленное, а кусты—внизу, возле тропинки. Холодный весенний ветер так и свищет. Решили мы обождать. Замаскировались, как могли, и сидим. Сверху хорошо видно. Недалеко граница проходит, а внизу тропинка ведет к ней. Долго мы так сидели, замерзли, совсем ног не чувствуем. Я уже думал итти, как вдруг видим... идут. Порядочная группа: человек сорок! Идут с нашей стороны за границу. Одежда на них вольная. Я говорю своему товарищу:

— Проверь винтовку.

Стал он проверять, а затвор застыл. А люди эти уже близко подошли. Оторвал я тогда кусок рубахи, говорю:

— На, протри затвор!

Перебежали мы к самой дороге, залегли, ожидаем.

Минут через пять идут двое. Я кричу:

— Руки вверх!

Они испугались, руки поднимают. „Не стреляйте!“—кричат. А нам и стрелять нечем: винтовка одна, да и та испортилась.

— Кто такие?

— Переселенцы.

Здорово! Да разве с нашей стороны переселенцы бывают? Но разговаривать с ними не стали. Некогда. Слышим—еще голоса. Остальные идут. Говорю этим двум:

— Станьте-ка в сторону и рук не опускайте, а не то...

Около поворота встретили остальных:

— Руки вверх!

Товарищ мой на мушку всю компанию держит. Они руки подняли и только глазами сверкают. Я думаю: нужно их обыскать, а не то поведешь такую ораву, живо ухлопают. Их 37 человек было.

Выстроили их в одну шеренгу, и тут я говорю своему товарищу нарочно громко, чтобы они слышали:

— Коли кто пошевелится, прямо стреляй!—а сам стал обыскивать.

Много ножей вытаскали: у кого из-за голенища, у кого из карманов, а у руководителя ихнего даже револьвер нашелся. Обыскал их, а потом скомандовал:

— Закладывай руки за голову, шагом арш!..

И повели.

Задержали мы их у самой границы. Шагов триста они не дошли, пришлось назад вернуться. Ведем мы их, а меня смех разбирает. Что, если бы они знали, что мы совсем безоружные: ведь винтовка-то сломалась...

Привели их на заставу к товарищу Чебышеву. Он даже удивился.

— Откуда вы их взяли?

Ну, рассказал я все, где и как задержали. Он их допросил. Руководитель у них—шпион, белогвардеец. Много у них золота нашли и денег—большие тысячи.

Я теперь как вспомню, что мы вдвоем целый взвод привели,—смешно становится.

А Хорева вместе с его бандой вскоре накрыли. Пограничники еще помогли. Ни один не ушел.

Тов. Мотыльков

МУЖЕСТВО

Границу у нас нарушают часто. Бывает, что и целыми отрядами в гости жалуют, а иной раз просто разведка. Но каждый раз мы их крепко встречаем. После такой встречи они долго раны заживают.

Вот в конце 1935 года, 12 октября, была у нас горячая перепалка. Тогда командира отделения Валентина Котельникова убили.

Дорого они нам заплатили за Валентина, но и всей крови их нехватит, чтобы искупить смерть героического нашего товарища Котельникова.

12 октября пошли в наряд: я, Скачков, Конаков и лейтенант Власов.

Перед выездом осмотрели оружие, потому что кто знает, что может случиться. Вывели лошадей, поехали.

Я наблюдателем на сопке был. Сверху их застава хорошо видна: казармы; солдаты ходят.

Так мы сидели до тринадцати часов, потом есть захотели. Товарищ Власов говорит:

— Давайте обедать.

Достали запасы ребята, едят. А я веду наблюдение. Еще через несколько минут вижу—у них движение: народ забегал, засуетился. Дал я товарищам своим знать, и уж тут мы все четверо, в восемь глаз, смотрим.

Видим, они по тропинке идут к своей высоте. Командир наш товарищ Власов говорит:

— Не выпускайте их, товарищи, из поля зрения! Больно они петлят.

А мы и сами видим: кружатся они на одном месте, глядят и руками размахивают, да и много их что-то...

Потом, смотрим, они сворачивают и идут прямо на линию границы. Подошли—и встали. После четыре человека отделились—и к самой границе: смотрят, озираются. А мы лежим, затаились, виду не подаем, будто и нет нас вовсе и ничего мы их не видим.

Побегали, пошныряли все четверо, назад возвращаются. Говорят что-то: дескать, никого нет, входите смело на советскую сторону.

Постояли они еще, а потом сразу и пошли: солдат человек пятьдесят, и офицеры—два человека верхом.

Прошли они границу и сразу ударились вглубь. Офицеры—позади. Дошли они до нашей высоты, здесь офицеры остались, а солдаты что-то кричат, руками машут: иди дальше, чего стали!

Они и пошли. Мы их пропустили без выстрела. Потом приняли такое решение: сбить командный состав и отрезать ушедшей группе обратную дорогу. Согласовали свои действия: Конаков с пулеметом останется наверху, он офицеров прямо на мушке будет держать, а сами поползем вниз по склону. Там удобное место: кусты и тропинки как на ладони. Здесь мы собирались задержать всю группу и дать хороший урок.

С пулеметчиком сговорились: как махнем фуражкой, сразу пусть огонь открывает. Ему нас хорошо видно.

Стали мы пробираться вниз и вдруг слышим—выстрел. Офицеры, соседи наши, стали лошадей шпорить, за границу бежать, а мы их дожидаться не стали. Сразу из трех винтовок—и... нет офицеров. Одна только лошадь без всадника ускакала. А тут видим—идут солдаты назад, и не идут, а бегут просто. Куда скорее, чем вначале шли! Они думали—позади никого нет, а тут мы их встретили. Они даже попадали от неожиданности, потом стали отвечать. Стреляют, а сами назад поглядывают.

Видят они—на тропинке опасность; стороной обходить стали, и как раз туда, где мы Конакова с пулеметом оставили. Совсем близко подошли уже, а пулемет молчит; еще ближе, а пулемета словно и нет. Что за чорт!

Я уже подумал—убили Конакова или пулемет испортился. Хотел наверх бежать,—как вдруг застрочит!..

Что тут с ними случилось! Смешались в кучу, галдят, кричат, кто куда разбегается, оружие бросают, а тут мы еще из винтовок жару подбавили. Такая у них паника поднялась! И вдруг видим: бегут к ним резервы, и наши тут с заставы подъехали: выстрелы услышали.

Эту группу мы совсем расстроили, а тех, кто на помощь пришел, наши ребята с заставы встретили и тоже пулеметом угостили.

Вот тогда они нашего товарища Валентина Котельникова убили, а помощника начальника заставы товарища Власова ранили. Пуля сперва в сумку с гранатами попала, а потом отскочила ему в руку. Но мы хорошо с врагами рассчитались. Тридцать человек раненых и убитых они оставили, а сколько еще унесли!..

В общем, на советской территории не долго они были. Вышвырнули их назад быстро. А вот Валентина жалко! Хороший товарищ! Хороший боец был.

**ОГЛАВЛЕНИЕ
(ЭКУН ДУКУВЧА)**

Предисловие	5
<i>Мих. Слонимский.</i> Андрей Коробицын	7
<i>Гирки Марченко Улгурин.</i> Иландярдун январьду	15
<i>Гирки Карацупа Улгурин.</i> Тар экун нгинакин?	21
<i>Гирки Малышев.</i> Колхозник Ординачи Улгурин	26
<i>Гирки Мотыльков.</i> Улгурин	30
Русский текст	34

ЭСИН АЯТ ПЕЧАТАИВЧА

Авд.	Нгунгнэ	Дукувча	Тангивка
13	14	нодадэригэ	нодадэригэ
17	23	пэктүрудэрэв:	пэктүрудэрэв.
18	7	Ариша	Ариша
21	2	бее	бее
31	19	ичэтчерэв	ичэтчерэв

Пограничники

Ответственный редактор *Я. Торгашин*. Художественно-техническая редакция *З. Коренюк Н. Дембо*.
 Корректор *А. Сарибан*. Леноблгортит № 12834. Тираж 400. Сдано в набор 5/IV 1938 г. Под-
 писано к печати 2/VII 1938 г. Бумага 70x92^{1/2}. Уч.-авт. 2,33. Авт. л. 2,24. Бум. л. 3^{1/2}. Печ. л. 1^{1/2}.
 Типографск. зн., в 1 бум. л. 55296. Набрано и отпечатано во 2-й типографии Трансжелдориздата им. Ло-
 ханкова. Ленинград, Ул. Правды, 15. Заказ № 1809
 Цена 50 коп.